

М. Ф. ГЕТМАНЕЦ

По следам князя Игоря

«Слово о полку Игореве» со времени его открытия и до наших дней продолжает оставаться в центре внимания ученых самых различных специальностей — историков, литературоведов, лингвистов, искусствоведов, географов и мн. др. То и дело вспыхивают острые споры по большим и малым проблемам, в ходе которых проявляются имеющиеся в достаточном количестве так называемые темные места, высказываются интересные научные гипотезы, выдвигаются новые проблемы. Одной из таких проблем, оказавшихся в центре внимания исследований последнего времени и ставших предметом острой научной дискуссии, является выяснение географии событий 1185 г. Несмотря на усилия ученых многих поколений, до сих пор не установлен маршрут движения русских дружин до г. Изюма, не выяснен путь следования русского войска в половецкой степи, неизвестно местонахождение рек Сюурлий и Каялы, вблизи которых, как об этом свидетельствует летопись, трагически завершился поход русских князей. В наиболее значительных трудах последнего времени известных советских ученых В. Г. Федорова,¹ К. В. Кудряшова² и Б. А. Рыбакова,³ специально посвященных этой теме, выдвинуты совершенно различные варианты. Хотя авторы изучили и обобщили огромный исторический, историко-литературный и историко-географический материал, их трудам явно недостает конкретных данных, характеризующих географию края и топографию похода, которые можно получить только в результате кропотливого обследования предполагаемых мест событий. Совершенно правильно заметил на сей счет В. Г. Федоров: «В целях более объективной и широкой постановки вопроса считаю необходимым высказать следующее: полагаю, что только местные исследования и отчасти археологические раскопки дадут нам возможность подтвердить местонахождение загадочной Каялы».⁴

Насколько нам известно, работы по комплексному исследованию мест, связанных с походом Игоря, проводились в 1939 г., однако были прекращены в связи с Великой Отечественной войной. Экспедиция, организованная Государственным Литературным музеем, обследовала в течение лета местность в нескольких районах, соответствующих наиболее авторитетным научным предположениям: в районе Изюма—Святогорска—Славянска, в районе р. Кальмиус, в районе р. Кагальник и в районе рр. Белой Калитвы и Быстрой. По своим целям и задачам экспедиция имела разведывательный

¹ В. Г. Федоров. Кто был автором «Слова о полку Игореве» и где расположена река Каяла. М., 1956 (далее: Федоров. Кто был автором).

² К. В. Кудряшов. Про Игоря Северского, про Землю русскую. М., 1959 (далее: Кудряшов. Про Игоря Северского).

³ Б. А. Рыбаков. «Слово о полку Игореве» и его современники. М., 1971 (далее: Рыбаков. «Слово»).

⁴ Федоров. Кто был автором, с. 102.

характер и в результате предварительного ознакомления с весьма обширной территорией должна была установить наиболее вероятный район для последующего изучения.⁵

Большую работу по изучению истории земель в бассейне Северского Донца и географии похода князя Игоря провел изюмский краевед Н. В. Сибилев (ныне покойный), имя которого упоминалось в отчетном докладе экспедиции. В результате археологических раскопок ученый-энтузиаст открыл десятки древних городищ, собрал ценнейшие сведения об этом крае в эпоху Киевской Руси, высказал интересные соображения и гипотезы о пути следования Игоря и месте гибели русских войск. Некоторые открытия Н. В. Сибилева вошли в научный обиход и получили всеобщее признание (например, установление на местности р. Сальницы), а другие остаются неизвестными, так как результаты его более чем двадцатилетних трудов опубликованы только частично.

Учитывая важность топографических изысканий для установления пути Игоря и района военных действий, мы в течение 1970—1974 гг., с учетом данных, добытых Н. В. Сибилевым и экспедицией 1939 г., провели тщательное изучение местности в районе между Изюмом и Славянском. В самом начале мы поставили перед собой задачу определить дорогу, которая связывала в старину эти два города. Основанием для такой реконструкции были историко-географические материалы, рассказы жителей, но в первую очередь — характерные особенности местности. С данными этой реконструкции мы соотнесли сведения топографического, географического, военно-тактического и топонимического характера, содержащиеся в летописях и «Слове о полку Игореве», с тем чтобы установить наиболее вероятный путь следования дружины Игоря. Однако перед тем как сообщить результаты изысканий, следует высказать наше отношение к некоторым спорным вопросам.

Почему мы пошли из Изюма на Славянск? Почему считаем, что описанные в «Слове» события происходили в этом районе?

Как известно, некоторые историки XIX в. (Н. А. Аристов, А. В. Лонгинов и др.), а в наше время — В. Г. Федоров полагают, что князь Игорь направился из Изюма в юго-западном направлении, в район слияния рр. Орели и Орельки. Убедительную критику этого, так называемого Орельского, варианта дал Б. А. Рыбаков в упомянутой выше книге, справедливо указав, что подобное утверждение находится в противоречии с географией и не учитывает тех данных исторических источников, которые могут быть ориентирами при определении маршрута. «Против Орельского варианта говорит то, — пишет Б. А. Рыбаков, — что в этом случае Игорь по существу в о з в р а щ а л с я б ы на Русь с заходом в пограничную степь».⁶ Действительно, достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться в том, каким нелогичным был бы путь Игоря от Изюма к Орели, ибо для того, чтобы напасть на орельских половцев, ему не нужно было заходить в Изюм, делать крюк в несколько сот километров.

В 1892 г. А. В. Лонгинов предложил так называемый Самарский вариант, отнеся события Игоревы похода еще глубже в половецкую степь — к месту слияния рр. Орля и Волчьей (притока Самары). Этот вариант поддерживает Б. А. Рыбаков, внесший в него ряд весьма существенных поправок, по сути ничего не оставляющих от построений Лонгинова. Прежде всего он перенес предполагаемое место действия к востоку, к вер-

⁵ По следам похода князя Игоря Северского. В научной комиссии по «Слову о полку Игореве» при Государственном Литературном музее. — Исторический журнал, М., 1940, № 10, с. 157—158.

⁶ Рыбаков. «Слово», с. 237.

ховью р. Самары, в район вполне вероятной досягаемости русских полков (у Лонгинова — он был удален от Сальницы более чем на 130 км). Соответственно с этим Б. А. Рыбаков отказался от предположений Лонгинова о рр. Каяле и Сюурлий и предложил свою гипотезу. По его мнению, Сюурлием следует считать приток Самары Гнилушу, а что касается Каялы, то Рыбаков, подобно некоторым ученым, считает ее рекой символической, вымышленной, не существующей.

Б. А. Рыбаков категорически отбрасывает все варианты, привязывающие события Игорева похода к бассейну Северского Донца и Дона, — по его мнению, битва произошла, в бассейне Днепра. В защиту своей концепции ученый выдвигает новый и неожиданный аргумент: обращение Ярославны в своем плаче к Днепру. «Вызывает удивление, — пишет Б. А. Рыбаков, — что до сих пор при всех попытках определения театра военных действий никто из исследователей не принял во внимание ясного и непреложного свидетельства „Слова о полку Игореве“ о „макрогеографии“ похода Игоря. Таким свидетельством является плач Ярославны. . . Находясь на берегу Сейма, притока Десны, впадающей в Днепр, Ярославна могла обращаться к Днепру с такой просьбой только в том случае, если река Каяла находилась в бассейне Днепра».⁷

Вывинутый ученый аргумент представляется нам неубедительным по двум причинам. Во-первых, в том же плече Ярославны упоминается не только Днепр, но и Дунай: «Полечю, — рече, — зегзицею по Дунаеви, омочю бобрнянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны на жестоцѣм его тѣлѣ».⁸ Во-вторых, такое специфическое прочтение только одного, вырванного из контекста, географического названия не учитывает характера художественного мышления автора и структуру образов плача. Ведь Ярославна обращается последовательно к ветру, к Днепру, к солнцу с просьбой помочь князю и его воинам, а это неопровержимо подтверждает риторический характер обращения.

Подавляющее большинство ученых, изучавших историю похода 1185 г., привязывает события к бассейну Дона и Северского Донца. В советское время такая точка зрения получила убедительное обоснование в трудах К. В. Кудряшова, много лет посвятившего исследованию этого вопроса. Несмотря на то что ученый несколько раз менял свои взгляды при определении места битвы русских дружин с половцами, избранный им район поисков между Изюмом и Славянском представляется нам единственно правильным.

Летописи и «Слово о полку Игореве» совершенно точно указывают, в бассейне какой реки происходили события. В Ипатьевской летописи читаем: «Идущим же им к Донцю реки»; «И то рек, перебрде Донецъ, и тако приида ко Осколу»; «Хотяхуть бо бьющеся дойти реки Донця». В Лаврентьевской летописи упоминается Дон: «А ноне поидем по них за Дон».⁹

Очень характерно, что ни в одной из летописей при описании событий похода 1185 г. р. Днепр не упоминается.

Не менее определенные сведения на сей счет дает и «Слово»: «. . . а всядемъ, братие, на свои бръззая комони, да позримъ синего Дону»; «Игорь к Дону вои ведеть»; «Гзакъ бежитъ сѣрымъ влѣкомъ, Кончакъ ему слѣдъ править къ Дону великому»; «Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго»; «. . . на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго», и т. д., и т. п.

⁷ Там же, с. 222.

⁸ Здесь и далее текст «Слова» цитируется по кн.: Слово о полку Игореве. Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»).

⁹ Здесь и далее текст Ипатьевской летописи приводится по: ПСРЛ, т. II. М., 1962; текст Лаврентьевской летописи — по: ПСРЛ, т. I. М., 1962.

Слово «Дон» встречается в тексте 17 раз, а сама река является как бы живым участником событий, одним из героев этого произведения. Дон где-то здесь, рядом, он является одним из важных ориентиров движения. Днепр же упоминается автором «Слова» всего дважды: в одном случае — в плаче Ярославны, а в другом — в связи с тем, что в нем утонул юный князь Ростислав.

Совершенно очевидно, что отрывать события от Дона, от Донца, переносить их в бассейн Днепра или какой-нибудь другой реки нет оснований.

Второй сложный вопрос, который стал предметом острых споров, — скорость движения русских дружин в половецкой степи. Как известно, время похода в днях расписано летописцем довольно точно, а сведений о пройденных расстояниях фактически нет. Упоминаемые названия рек — Сюрлий и Каяла — давно исчезли с географической карты, поэтому не могут быть в настоящее время ориентирами. Вот почему, если бы знать скорость движения, то при наличии данных о времени можно было бы установить район военных действий и место гибели войска Игоря. Однако при определении движения войск ученые столкнулись с серьезными трудностями, так как летопись не дает точных сведений о составе русской рати. Одни полагают, что она состояла только из конницы, поэтому предлагают повышенные нормы суточных переходов, другие допускают участие в походе пеших войск и считают, что темп движения был более умеренным. В ученых трудах можно найти интересные сведения из русской истории о различных переходах войск и скорости их движения, примеры времен гражданской войны, ссылки на боевые уставы Советской Армии, любопытные экскурсии в область военно-тактических проблем, однако эти разыскания никаких результатов пока не дали, да и вряд ли могут дать. Достаточно сказать, что удаление Игоря от рубежей Русской земли определяется в научной литературе в диапазоне от 40 до 400 км.

При решении вопроса о скорости движения недостаточно учитываются, на наш взгляд, те военно-тактические задачи, которые решались войском на различных этапах похода, а также те конкретные условия — время года, время суток, рельеф местности, состояние дорог, — в которых протекал поход. В истории военного искусства, к которой обращаются авторы за аргументами, можно найти любые примеры, удобные для обоснования той или иной концепции, однако все они свидетельствуют об одном: скорость передвижения войск всегда диктуется конкретной обстановкой и в зависимости от нее может в значительной степени отклоняться от так называемых средних норм.

В понимании общих целей и задач похода, несмотря на несовместимость географических гипотез, у новейших советских историков, можно сказать, выработалась единая точка зрения, которая наиболее отчетливо изложена в книге В. Г. Федорова: «Учитывая, что Игорь рассчитывал главным образом на внезапность нападения и отсутствие значительных сил у половцев и что поэтому собранное Игорем войско было немногочисленным, можно предположить. . . , что от Сальницы Игорь не мог направиться в глубь половецких степей и что бои с половцами произошли на ближайших рубежах».¹⁰ Эту точку зрения полностью разделяют Б. А. Рыбаков и К. В. Кудряшов. Следует с удовлетворением отметить, что сторонников больших расстояний и стремительных маршей на сотни километров среди исследователей географии «Слова» становится все меньше и меньше, поиски места битвы ведутся в радиусе 40—80 км от г. Изюма.

¹⁰ Федоров. Кто был автором, с. 68.

Многие исследователи, высказываясь против Славянского варианта, ссылаются на то, что небольшое расстояние между Изюмом и Тором (всего 50 км) якобы противоречит данным летописи, что дружины Игоря шли «борзо». В связи с этим К. В. Кудряшов, сторонник Славянского варианта, вынужден был обосновывать очень низкие нормы суточных переходов конных и пеших войск, а р. Сюрлий¹¹ искать у самого Тора. Полученные нами результаты изучения местности и древних дорог рассеивают все сомнения на этот счет и делают совершенно ненужными какие-либо натяжки. Для правильного понимания вопроса о скорости движения войска следует иметь в виду следующие обстоятельства. Во-первых, перед выходом в степь Игорь получил от своих разведчиков сведения, что половцы несут усиленную сторожевую службу и что время для похода неблагоприятное: надо или ехать «борзо», или возвратиться.

Сложившаяся обстановка требовала от русских большой осматрительности, осторожности и вместе с тем — быстроты действий. После первого сражения, успешно закончившегося для русских, Игорь сразу же предложил идти обратно «черес ночь». Это свидетельствует о том, что поход планировался как кратковременный и быстрый. Второе обстоятельство: на первом этапе войска двигались ночью. А скорость движения любого войска в ночных условиях, тем более при отсутствии торной дороги, не может приравняться к нормам дневных переходов. Третье обстоятельство: составной частью войска в древности был обоз, который, как свидетельствуют военные историки, оказывал существенное влияние на быстроту передвижения. «Быстрота движения зависела от степени загруженности войска обозом, — пишет Б. А. Рыбаков. — В обозах шло продовольствие, фураж, а иногда и оружие, которое воины надевали непосредственно перед боем. Вопреки установившемуся мнению, русские войска никогда не передвигались в кольчугах, панцырях и шлемах. Это тяжелое вооружение везли особо и надевали только перед лицом опасности».¹¹

Совершенно ясно, что в ночных условиях и по бездорожью обоз быстро продвигаться не мог, это сдерживало и всадников, которые не могли от него оторваться.

И, наконец, еще одно, пожалуй самое важное, обстоятельство: расстояния, пройденные русским войском, на самом деле были значительно большими, чем те, которыми оперируют исследователи. Нельзя определять протяженность пути Игоря по карте, с помощью линейки и циркуля. Необходимо учитывать ту непреложную истину, что древние дороги не были такими прямыми, как современные, что в связи со сложным рельефом, обилием крутых подъемов, заболоченных низин и зарослей войска продвигались извилистыми путями и прошли значительно больше, чем расстояние между Изюмом и Славянском по прямой линии.

В исторической литературе до сих пор по-настоящему не изучен вопрос об оперативном плане похода, о тех тактических целях, которые решались на различных его этапах. На основании летописных данных обычно излагается только боевой порядок полков при первом столкновении с половцами на р. Сюрлий. Нельзя считать, что бой завязался при случайной встрече с врагом. Как свидетельствуют летописные источники, военные действия всегда тщательно планировались. Переходя кордон родной земли, русские князья знали расположение основных половецких кочевий, местонахождение оборонительных рубежей, имели сведения

¹¹ Б. А. Рыбаков. Военное дело (стратегия и тактика). — В кн.: История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948, с. 407.

о дислокации основных сил врага. Как известно, Игорь придавал большое значение разведке и перед выходом из Изюма получил важные сведения о половцах.

По данным Н. В. Сибилева, в полосе продвижения русских дружин, на правом берегу Северского Донца, в XII в. было три крупных половецких городища, которые ученый назвал по имени современных населенных пунктов Теплинским, Сидоровским и Маякским.¹² Сопоставляя географию этого района с летописным рассказом о походе 1111 г. Владимира Мономаха, он пришел к выводу о том, что Теплинское городище — упоминаемый в летописях г. Шарукань, Сидоровское — г. Сугров, а Маякское — г. Балин. Мы не будем здесь говорить, насколько убедительно предположение Н. В. Сибилева о местонахождении древних половецких городов, — этот вопрос заслуживает специального рассмотрения, в данном случае нам важно подчеркнуть, что такие крупные поселения существовали и что русские князья, несомненно, именно по ним хотели нанести удар. По свидетельству Н. А. Аристова, изучавшего историю половцев, кочевники «не были устроителями городов и, занимая оставленные другими народами городища, не могли укреплять и отстаивать их».¹³ Безопасность городов обеспечивалась степной конницей, а в случае ее поражения они становились легкой добычей. Кроме постоянных поселений, у половцев было много летних кочевий в местах, удобных для выпаса коней, где они жили в походных кибитках, называемых в летописях вежами. Главное поселение половцев, живших в этом районе, находилось на берегах р. Тор. Здесь была резиденция хана Кончака, и здесь же, к слову говоря, находился в плену князь Игорь. Расстояние между половецкой «столицей» и границей Северской земли по прямой составляло всего 50 км. Совершенно ясно, что в пограничных районах с Русью проходил оборонительный рубеж с хорошо организованной сторожевой службой. По тем скудным сведениям, которые попадают в исторических источниках, организацию половецкой сторожевой службы можно представить таким образом. В непосредственной близости от русских рубежей действовали конные дозоры, которые вели наблюдение за степью и особенно за дорогами (русские «сторожеви», которых Игорь посылал в разведку, сообщили: «Видихомся с ратными. Ратници ваши со доспѣхомъ ѣздять»). На высоких курганах находились постоянные половецкие посты наблюдения, с которых условными знаками подавались сигналы об опасности на оборонительный рубеж, а оттуда — в глубокий тыл. Обнаружив неприятеля, половцы в течение короткого времени могли оповестить хана и привести в состояние боевой готовности большое войско. Каким же был половецкий оборонительный рубеж? К сожалению, в литературе мы не нашли никаких сведений по этому вопросу. Однако на основании имеющихся данных о жизни и быте этого народа, о тактике половецких войск в бою, с учетом сведений об оборонительной тактике в древности других народов, можно составить определенное представление и об этом рубеже.

Основу его составляла водная преграда, обычно — река с высоким берегом, удобным для обороны. Второй важный элемент — высокий курган или гряда господствующих над местностью холмов. Со стороны противника должна быть открытая, хорошо просматриваемая местность, не позволяющая войску скрытно подойти к линии обороны. Учитывая

¹² М. В. Сибілев. Археологічні пам'ятки на Дінці в зв'язку з походами Володимира Мономаха та Ігоря Сіверського. Археологія, Київ, т. 4, 1950 (далее: Сибілев. Археологічні пам'ятки).

¹³ Н. Аристов. О земле половецкой. Киев, 1877, с. 12.

небольшое расстояние между столицей хана и Изюмом, можно предположить, что оборонительный рубеж половцев находился на таком удалении от границы, которое исключало внезапное появление русских. Во всяком случае отрезок пути от Изюма до рубежа должен быть больше одного ночного перехода. Принимая во внимание, что сторожевую службу несли значительные силы, со своими табунами коней, домашним хозяйством, вежами и т. д., в полосе обороны должны были быть пастбища и хорошая питьевая вода.

Нам представляется, что упоминаемая в летописи, до сих пор остающаяся неизвестной р. Сюурлий и была тем оборонительным рубежом, который прикрывал половецкую степь со стороны Изюма. Вот почему, отправляясь в экспедицию, мы поставили своей целью найти между Изюмом и Славянском такое место, которое отвечало бы всем изложенным выше требованиям. Мы внимательно осмотрели прежде всего Сальницу — реку, от которой, согласно летописи, начинался путь Игоря в половецкую степь. Сейчас это небольшой ручей, впадающий в Северский Донец в центре города у большого моста. В этом месте в старину был удобный брод, известный в исторической литературе под названием Изюмского перевоза. После основательных историко-географических изысканий В. Н. Татищева, А. В. Лонгинова, К. В. Кудряшова и Н. В. Сибилева вопрос о Сальнице большинством советских ученых признан окончательно решенным. Заслуживают внимания очень интересные наблюдения изюмского краеведа В. Маркина, объясняющего наличие брода именно у этой реки: Сальница протекала по низменной песчаной местности, издавна называемой здесь Песками, и, впадая в Северский Донец, образовывала большие наносы песка.¹⁴ К сожалению, некоторые ученые, изучавшие географию событий только по литературным источникам, на своих картах и схемах показывают Сальницу не как левый, а как правый приток Донца, т. е. в том месте, где в действительности находится Изюмский курган. Они, очевидно, основываются на данных Книги Большому Чертежу, хотя в ней допущена ошибка, на которую в свое время указал Н. В. Сибилев. По его мнению, ошибка произошла оттого, что в районе Изюма Северский Донец делает крутой поворот на север и направление его русла прямо противоположно основному направлению течения реки.

От Сальницы мы пошли по шоссе на знаменитый Изюмский курган (называемый горой Кременец), который в XII в. был пограничной вехой между Русью и половецкой степью. В 4 км от кургана протекает речка Каменка, правый приток Северского Донца, миновать который Игорь никак не мог. В летописях ничего не сказано о том, что войска переходили какую-либо речку до Сюурлия. На этом основании можно предположить, что дружины пошли левым берегом Каменки, к ее верховью, общее направление которой соответствовало направлению движения войска в сторону Тора. Движение по долине давало целый ряд преимуществ: во-первых, река была хорошим ориентиром в ночных условиях; во-вторых, люди и кони имели в достатке питьевую воду, столь необходимую в трудном походе; и, наконец, река защищала левый фланг войск от внезапного нападения (рис. 1). Наше предположение подтверждается косвенными данными летописей, Книги Большому Чертежу и других историко-географических памятников: в летописях при описании походов князей всегда в качестве географических ориентиров называются реки, по рекам в Книге Большому Чертежу сделаны росписи важнейших сухопутных дорог. Есть еще одно подтверждение, что старая Торская дорога шла долиной Каменки. Как известно, населенные пункты возникали в древности вблизи

¹⁴ В. Маркин. Шеломян-Крем'янець. — Радянське життя, 1970, 1 сентября.

от важнейших коммуникаций, однако вдоль современного шоссе на протяжении 22 км нет ни одного населенного пункта, что является необычным для здешних густонаселенных мест. Оказывается, что села тянутся цепочкой вдоль Каменки и других впадающих в нее речушек. Все это позволяет сделать вывод о том, что древняя дорога Изюм—Славянск шла долиной Каменки, затем поднималась на невысокое плато местного водораздела, спускалась к р. Голая Долина и затем шла по ровной и широкой долине этой реки до самого Тора.

Совершенно очевидно, что Каменка, протекающая в непосредственной близости от Русской земли, не могла быть оборонительным рубежом половцев. Следующая водная преграда — р. Голая Долина. По нынешнему шоссе от г. Изюма до с. Долина, расположенного на этой реке, — 25 км, однако старой, описанной выше, дорогой надо было пройти не менее 35 км.

Первое, что бросается в глаза при изучении рельефа местности у с. Долина, — большой курган, возвышающийся с бывшей половецкой стороны, у подножия которого сооружен величественный памятник в честь воинов Советской Армии, погибших в годы Великой Отечественной войны. Эти места были ареной ожесточенных сражений.¹⁵ Кровопролитные бои на берегах затерявшейся в степи речушки говорят об особом характере местности, представляющей большой интерес с военно-тактической точки зрения. В настоящее время в долине создана целая система запруд, что изменило внешний облик реки. В беседах с жителями мы пытались выяснить, что представляла собой речка раньше и как она называлась в старину. Речку до образования системы проточных прудов очень многие помнят, и называлась она как-то по-иному, чем Голая Долина, но старого названия никто припомнить не мог. Все жители говорили о том, что речка возникла из мощных источников, бьющих из меловой горы, не замерзающих даже в самые лютые морозы. Осмотр источников показал, что вытекают они из меловой горы. Некоторые из них были затоплены при образовании прудов, другие оказались на поверхности. Если учесть, что на протяжении веков происходило заливание долины реки черноземными грунтами, что уровень ила поднимался все выше и выше, то, очевидно, 7—8 веков тому назад воды били из горы и по ее склонам текли в долину, образуя ручей, превращавшийся по мере движения в речку. Длина р. Голая Долина — около 25 км, впадает она в р. Сухой Торец. Эти места, богатые хорошей водой, обширными пастбищами, удобные для обороны, несомненно привлекали к себе кочевников. И по своему географическому положению, и по расстоянию от Сальницы, и по военно-тактическим соображениям р. Голая Долина вполне могла быть тем оборонительным рубежом, который охранялся выдвинутым вперед половецким войском. Мы внимательно обследовали дорогу от Изюма до Славянска и другого подобного, столь удобного для обороны, места не нашли. Таким образом, как нам кажется, есть достаточно оснований для отождествления р. Голая Долина с летописной рекой Сюрлий. Наша гипотеза подтверждается и заново проведенными топонимическими изысканиями.

Расшифровкой слова «Сюрлий» занимались очень многие. Одни (Аристов, Федоров и др.), основываясь на «Истории» Татищева, в которой название «Сюрлий» в одном из вариантов заменено «Суугли», отождествляют ее с Орелью, так как в летописи эта река по-русски называлась Угла. К. В. Кудряшов справедливо указал, что нет достаточных оснований для отождествления этих названий, потому что во всех списках

¹⁵ В. И. Ч у й к о в. В боях за Украину. Киев, 1972

Ипатьевской летописи и в первой неопубликованной редакции «Истории» Татищева река называется Сюрлий.

Другие (их большинство, в том числе и Кудряшов) видят в этом слове татарское «суярлы», обозначающее 'слияние рек' и 'разлив воды'. Столь расширительное толкование слова давало повод для самых неожиданных уподоблений: на географической карте между Доном и Днепром, пожалуй, не осталось таких слияний двух рек, которым не присваивалось название Сюрлий.

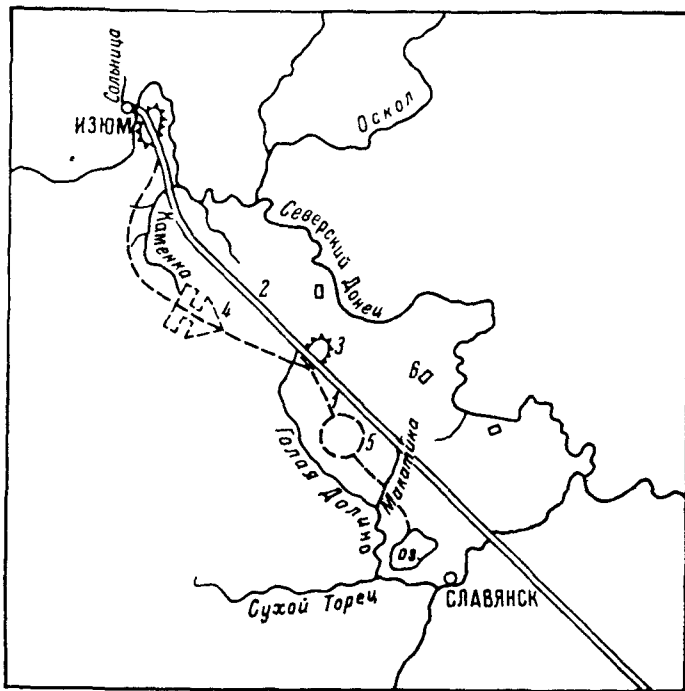

Рис. 1. Путь Игоря в половецкую степь.

1 — путь князя Игоря; 2 — современное шоссе; 3 — курганы;
4 — рубеж сосредоточения; 5 — место окружения; 6 — городища XII в.

Б. А. Рыбаков предложил иное толкование этого слова: «Название реки Сюрлий, — пишет он, — связано с тюркским словом „süjür“ 'мош-кара'; следовательно, мы должны видеть в ней небольшую, заболоченную, „комариную“ реку».¹⁶

Предложенный вариант расшифровки загадочного названия не отражает каких-то характерных, специфических особенностей реки, которые давали бы возможность по ним опознать современную речку.

Беседы с жителями с. Долина, исследование реки и источников натолкнули нас на иное прочтение этого слова. В слове «Сюрлий» отчетливо видны три элемента: «Сю-ур-лий». В первых двух без искажения сохранились тюркские слова 'вода' и 'бить', третий элемент — русифицированный суффикс «-лы (-ly)», служащий для образования прилагательных. Украинский лингвист И. В. Муромцев, автор книги о топонимике рек бассейна Северского Донца, на многих примерах показал, что тюркский

¹⁶ Рыбаков. «Слово», с. 273.

суффикс «-лы (-ly)» на славянской почве путем выравнивания по аналогии с русскими формами видоизменяется в «-ла», «-ло», «-ай», «-ий».¹⁷

В одном из самых авторитетных лексиконов тюркских наречий — словаре В. В. Радлова — мы встретили следующую любопытную конструкцию: «су ур!» «поливай!».¹⁸

Таким образом, «Сюурлы—Сюурлий» означает «бьющая, поливающая, разливающаяся вода». Думается, что этот гидроним тюркского происхождения, запечатленный древней летописью, относится к числу редких слов, сохранивших изначальный смысл и малоискаженную форму.

Надо сказать, что сделанный ранее перевод слова — «разлив воды» несколько не противоречит и нашему толкованию, однако ему придается несколько иной оттенок: разлив воды не как разлитая вода, а как разливающаяся, льющаяся вода.

Почему же слово «Сюурлий» не сохранилось в народной памяти и ни разу не упоминается в позднейших летописях? Возможное объяснение заключается в том, что после татаро-монгольского нашествия в этом районе коренным образом изменилась демографическая и военная обстановка. Половцы были согнаны со своих кочевий и исчезли как этническая группа. Огромные степные пространства между Причерноморьем и Московской Русью превратились в «дикое поле», своего рода нейтральную полосу между Русью и агрессивными татарскими государствами, особенно крымской Ордой. Ареной ожесточенных сражений в XIV—XVI вв. становятся русские земли на границе Московского государства по линии Тула—Рязань—Муром, а земли по Тору, Самаре, Орели, где обычно происходили битвы русских с половцами, надолго утратили свое военно-стратегическое значение. Из летописей вовсе исчезли названия таких незначительных рек, как Сюурлий и Каяла, а более крупные упоминаются очень редко. Вот почему к началу заселения земель «дикого поля» в XVII—XVIII вв. многие старые названия оказались забытыми. Согласно данным И. В. Муромцева, название «Голая Долина», отражающее физико-географические особенности околоречной поймы, фиксируется с XVII в. В документах XIX в. встречается вариант «Моросовка», который происходит, по его предположению, от фамилии владельца местных угодий, так как сохранились в этих местах и другие подобные топонимы (Моросов лес, Моросов яр).

Впервые отождествил р. Голую Долину с Сюурлием украинский археолог Н. В. Сибилев. Правда, в обоснование своей гипотезы он не привел никаких аргументов, кроме одного: «Прийти к такому выводу автору помогло тщательное изучение пути Игоря Северского».¹⁹ Хотя в его гипотезе больше интуиции, чем научных аргументов, однако это — интуиция ученого-краеведа, как никто другой знавшего эти места, и поэтому не считаться с ней нельзя.

Теперь давайте попытаемся восстановить тактический рисунок первого этапа операции.

Вечером 9 мая 1185 г. перед заходом солнца русские дружины начали переправку через Северский Донец с таким расчетом, чтобы спуск по противоположным склонам Изюмского кургана, хорошо видимый с половецкой стороны, проходил в условиях темноты. Тактическая задача войск состояла в том, чтобы под покровом ночи как можно ближе продвинуться к оборонительному рубежу противника и затем днем развернуть наступление на охраняемые им позиции. Дружины шли всю ночь, с одной-двумя

¹⁷ И. В. Муромцев. Словотворчі типи гідронімів (бесейн Сіверського Дінця). Київ, 1966, с. 39, 40, 74.

¹⁸ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий, т. 4, ч. 1. СПб., 1911, с. 743—744.

¹⁹ Сибілев. Археологічні пам'ятки, с. 107.

кратковременными остановками для отдыха, а перед рассветом в верховье Каменки сделали большой привал, напоили и покормили коней, позавтракали, надели доспехи и, приняв боевой походный порядок, выступили по направлению Сюурлия, до которого оставалось еще 18 км. Войска двигались неторопливо, выставив со всех сторон усиленные дозоры, и были готовы в любой момент перестроиться для боя. Продвижение русской рати в открытой степи не прошло незамеченным: «Заутра же пятаку наставшу, во обеднее веремя, — сообщает летописец, — устретоша полкы половецькие: бяхуть бо до них доспеле, веже свое пустили за ся, а сами собравшеся от мала и до велика, стояхуть на оной стороне реки Сюурлия». Однако такая ситуация не была неожиданностью и для русских: вряд ли они, идя с раннего утра до полудня по вражеской территории, рассчитывали на внезапное появление в стане врага. Неожиданность нападения Игоря на половцев имела не тактический, а стратегический характер, т. е. фактор неожиданности состоял в том, что удар наносился по району, где не было главных сил неприятеля, где на определенное время было обеспечено превосходство русских. Вполне вероятно, что до наступления рассвета русские войска смогли бы достичь р. Сюурлия, но такой цели Игорь не мог ставить, так как это привело бы к тому, что к рубежу обороны половцев дружины пришли бы утомленными и недостаточно организованными. Историки военного искусства справедливо утверждают, что бои в древности, несмотря на различные тактические хитрости, носили открытый характер и проводились в дневное время, поэтому Игорь, идя «борзо», думал о предстоящем сражении и берег силы воинов.

Второй этап операции — день 10 мая — битва с половецкими войсками, обороняющимися Сюурлий. Главная задача войск на этом этапе состояла в том, чтобы разгромить половецкое прикрытие, совершить быстрый рейд по ближайшим тылам, взять «полон» и вернуться в свои пределы. На основании Ипатьевской летописи военные историки весьма обстоятельно осветили расстановку войск и ход боя.²⁰ Русские войска были выстроены в два эшелона: первый эшелон — полк Владимира Игоревича (слева) и полк черниговских ковуев (справа); второй эшелон — полк Игоря (в центре), полк Святослава Ольговича (слева) и полк Всеволода Святославича (справа). Перед началом боя от всех полков были выделены конные лучники — «стрелци», которые, по обычаю того времени, начинали сражение. Половцы также выстроили два эшелона: одни полки стояли у самой реки, а основные силы поодаль. Ход битвы в летописи описан так: «...выехаша ис половецьких полков стрелци и путивше по стреле на русь и тако проскочиша. Русь же бяхуть не переехали еще реке Сюурлия. Поскочиша же и ти половци, силы половецькие, которые же далече реки стояхуть. Святослав же Ольгович и Володимерь Игоревич и Ольстин с коуи стрелци поткоша по них. А Игорь и Всеволод помалу идяста, не роспусыаста полку своего. Переднии же ти русь биша е, имаша. Половце же пробегоша веже и русь же, дошедше вежь и ополонихася. Друзии же ночь приехаха к полком с полоном».

Как видно из приведенного отрывка, в преследовании неприятеля участвовали три полка — Святослава, Владимира и Ольстина. Полки Игоря и Всеволода — и это очень важно, — хотя не принимали участия в погоне, но не оставались на месте, а продвигались вперед («помалу идяста»). Совершенно очевидно, что князья заранее условились о времени и месте сбора войск. Думается, что, преследуя половцев, русские

²⁰ См.: История культуры Древней Руси, т. I. М.—Л., 1948; А. А. Строков. История военного искусства, т. I. М., 1955; Е. А. Разин. История военного искусства, т. II. М., 1957.

не только захватили их вежи, но и нанесли удар по ближайшим их поселениям. Согласно данным Н. В. Сибилева, недалеко от Сюурлия находились три городища: Теплинское — в 6 км, Сидоровское — в 8 км, Маякское — в 16 км. Вполне вероятно, что Игорь поручил трем своим полкам развивать наступление в направлении этих городищ. Судя по тому, что полк Святослава вернулся позже других и оказался наиболее утомленным, можно предположить, что именно он атаковал самое отдаленное городище. В связи с рассматриваемым вопросом заслуживает внимания мнение В. Г. Федорова как военного специалиста: «Отметим, что набег молодым князьям, ввиду того что кони устали во время ночного перехода, никоим образом не мог быть продолжительным. Можно предположить, что он не превышал 10—15 верст».²¹

Итак, второй этап похода Игоря — схватка на р. Сюурлий, преследование отступающих войск, удар по ближайшим поселениям, захват добычи (рис. 2).

После окончания операции, очень успешной для русских, единственно правильным завершением ее было бы отступление из пределов половецкой земли. Князь Игорь, опытный полководец, но, очевидно, недостаточно твердый в своих решениях человек, предложил ехать «ныне же. . . черес ночь», однако Святослав и Всеволод уговорили его заночевать в степи, ссылаясь на то, что люди и кони утомлены. Эта ночь с 10 на 11 мая в половецкой степи оказалась роковой для русских воинов.

Третий этап операции — день 11 мая, ночь с 11 на 12 мая, утро 12 мая — битва русских дружин с превосходящими силами противника в условиях окружения. Если первые два этапа операции развивались в соответствии с тактическим планом Игоря, то на третьем инициатива перешла к половцам и тактика русских определялась сложившейся обстановкой.

Несмотря на особое внимание, проявленное историками к этому этапу военных действий, многие важные вопросы до сих пор остаются невыясненными. Какой приняли порядок русские войска в условиях окружения? Почему князь Игорь решил пробиваться к Донцу? Какова была схема тактических действий половцев? На все эти вопросы, да и на многие другие литература не дает ответа.

Можно предположить, что полки Игоря и Всеволода, не участвовавшие в погоне, составлявшие оплот войска, перейдя Сюурлий (Голую Долину), продвинулись на какое-то расстояние и сделали остановку в условленном месте для отдыха, учета пленных и добычи. Где же остановились полки? Километрах в 15 от верховья Голой Долины в нее впадает речка Мака-тиха, пересекая степь с севера на юг и создавая вторую водную преграду на пути к Тору. В летописи нет данных о том, что войска Игоря и Всеволода после Сюурлия переходили речку, поэтому вполне вероятно, что они остановились, не доходя Макастихи. Между Голой Долиной и ее притоком Макастихой находится широкое ровное поле, очень удобное для размещения значительных масс войск, а угол, образуемый этими реками, прикрывал наиболее опасные направления, откуда могли появиться половцы. Именно в этом месте, защищенном с востока и юга, открытом с севера и запада, изобилующем питьевой водой и травами, и мог заночевать князь Игорь со своим войском. Небезынтересным является также вопрос о том, как расположились полки в степи. Вряд ли можно сомневаться, что осторожный Игорь разместил их на ночлег в соответствии со схемой основного боевого порядка, «челом» к половецким тылам, с таким расчетом, чтоб на случай тревоги каждый был на своем месте.

²¹ Федоров. Кто был автором, с. 70.

На рассвете 11 мая русские войска обнаружили, что они окружены со всех сторон половцами, «как борове». В создавшихся условиях русские заняли круговую оборону и решили пробиваться к Северскому Донцу. Что представляла собой круговая оборона в то время и как она строилась? В военно-исторической литературе есть сведения о тактических приемах построения войск в XII в. Так, советский историк Е. А. Разин на основании древней рукописи характеризует тактику арабских войск, при-

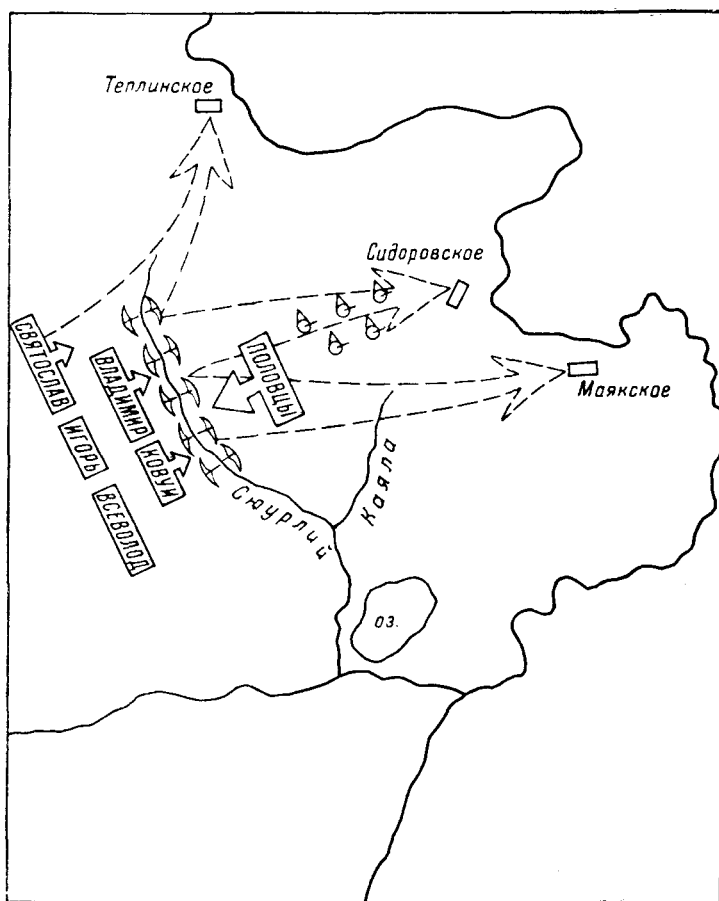

Рис. 2. Битва на р. Сюрлий.

менявших 7 фигур построения в зависимости от обстановки. Описанные фигуры очень напоминают формы боевых порядков русских войск, известных нам по летописным источникам, и дают основания говорить, что методы ведения боя в то время у разных народов были почти аналогичны. Среди названных 7 фигур есть фигура под названием «круг», которая применялась тогда, когда войска находились в окружении подавляющих сил противника. Арабский автор пишет, что этот боевой порядок «дает возможность создать круговую оборону, поддерживать взаимно друг друга и одержать победу».²² Правда, этот же боевой порядок назван им самым слабым. Вероятная схема перестройки русских войск в «круг» показана на рис. 3. Как и в битве на р. Сюрлий, полки выстраивались

²² Е. А. Разин. История военного искусства, т. II, с. 120—122.

в два эшелона, а впереди каждого из них стояли конные лучники. Хотелось бы обратить внимание на такую деталь: правым соседом ковуев в круговой обороне был полк Всеволода. Эта деталь поможет нам по-новому осмыслить одно из любопытных свидетельств летописи и «Слова», которое до сих пор никем не принималось во внимание.

Давайте попытаемся представить себе зрительно русское воинство и место, которое оно занимало. Если исходить из численности русских войск в 5—6 тысяч, как считает большинство историков, и их построения в два плотных кольца (стрельцы не составляли сплошной линии), то нетрудно рассчитать длину окружности и площадь круга. Допустим, что 1 тысяча лучников была выделена в первую линию, значит, в двух сплошных кольцах было по 2—2,5 тысячи всадников, стоящих стремя к стремени. Если ширину пространства, занимаемого всадником, принять за один метр, то общая длина окружности составит 2—2,5 км, а диаметр соответственно — 600—800 м.

Вокруг этого кольца, опоясанного рядами красных щитов, оцетившегося острыми пиками, стояло многочисленное войско кочевников, предвкушая скорую победу. Это раннее утро 11 мая поэтически описано автором «Слова о полку Игореве»: «Другаго дни велии рано кровавыя зори свѣтъ повѣдають; чръныя туча съ моря идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца, а въ нихъ трепещуть синии мльнии. Быти грому великому! Итти дождю стрѣлами съ Дону великаго! Ту ся копиемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломи половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго! . . . Половцы идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ рускыя плѣкы оступиша. Дѣти бѣсови кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты».

Половцы не решались с ходу атаковать русских, а издали обстреливали их из луков. Обстрел был длительным и мощным, — не случайно автор «Слова» сравнивает его с дождем и ветром. После обстрела русских полков стрелами на них набросилась конница, вооруженная копьями. Летописец сообщает, что князь Игорь, оценив обстановку, решил пробиваться к Донцу. По берегу Донца, до которого было всего 5—6 км, в то время рос густой лес (здесь сохранились леса до сих пор), который давал надежное укрытие для войск. Историки военного искусства Древней Руси справедливо утверждают, что достаточно было войску, чувствующему себя более слабым, «заложиться» лесом, чтобы оказаться в безопасности.²³ Совершенно очевидно, что в тех трудных условиях решение Игоря было единственно правильным и характеризует его как опытного полководца. Однако половцы разгадали замысел русских и выставили на этом направлении мощный заслон. Почувствовав в первой схватке силу и стойкость полков Игоря и предвидя нелегкую победу, они решили отеснить русских от воды (от Скуурлия).

Таким образом, кольцо русских воинов сжималось с севера и юга (см. рис. 3) очень сильными группировками врага, цель одной состояла в том, чтоб не дать возможности войскам Игоря уйти в лес, а цель другой — отрезать их от реки, лишить воды и таким способом подорвать боеспособность. Битва продолжалась весь день 11 мая, ночь и утро 12 мая. Русские сражались самоотверженно, проявляя стойкость и отвагу. «И тако бишася крепко ту днину до вечера, — пишет летописец, — и мнозии ранени и мертви быша в полках руских; наставши же ноци субботнии, и поидоша бьхючися». Последние слова указывают на то, что русские, яростно сражаясь, постепенно отходили под натиском половцев.

²³ См.: Б. А. Рыбаков. Военное дело . . . , с. 408.

По мнению военных историков, рукопашные бои в древности не были длительными.²⁴ Поэтому бой Игоря с половцами, продолжавшийся три дня (если считать и битву у р. Сюрлий), мог обратить на себя особое внимание современников.

Военные историки свидетельствуют также, что с момента начала бегства одного из полков организованное сопротивление прекращалось.²⁵ Вот почему, когда черниговские ковуи «возмятошася» и «побегоша», Игорь понял, что это начало катастрофы, и сделал все возможное, чтобы ее предотвратить: раненный в руку князь, сняв шлем, пренебрегая опасностью,

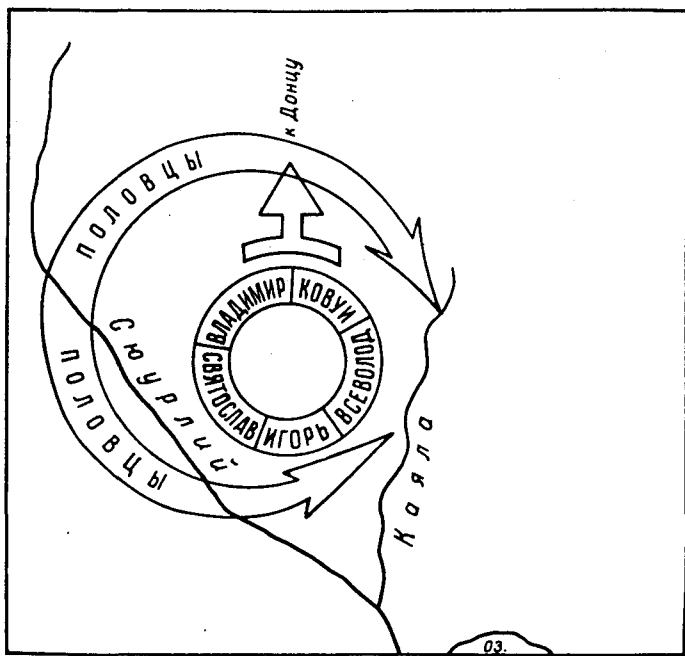

Рис. 3. Битва в условиях окружения.

бросился в дрогнувшие ряды, чтобы остановить бегущих, воодушевить их личным мужеством, но было уже поздно. В образовавшуюся брешь хлынули половцы, пленили Игоря и полностью дезорганизовали оборону русских полков. Началось беспорядочное бегство, закончившееся полным разгромом.

Выше, характеризуя круговую оборону русских полков, мы подчеркнули, что соседом черниговских ковуев справа, вероятнее всего, были воины Всеволода. Находясь в расположении ковуев в момент пленения, Игорь, вне всякого сомнения, мог видеть на близком расстоянии своего брата, сражающегося на берегу Каялы. Эта, безусловно, невыдуманная, деталь, отмеченная и автором «Слова», и летописцем, дает дополнительные данные для того, чтобы приурочить финал событий к р. Макатихе. Однако проблема Каялы является настолько важной, что на ней следует остановиться особо.

Как известно, в отношении этой загадочной реки высказывались самые различные догадки. Перечислять все предложенные варианты нет необ-

²⁴ А. М. К и р п и ч н и к о в. Битви стародавньої Русі (IX—XIII ст.). — Український історичний журнал, 1969, № 10, с. 81.

²⁵ А. М. К и р п и ч н и к о в. Битви стародавньої... , с. 81.

ходимости, так как довольно полный свод их дан в упоминавшейся книге Федорова. Мы остановимся лишь на трех последних гипотезах советских историков.

В. Г. Федоров, сторонник Орельского варианта, Каялой считает небольшую речку Кривель, протекавшую вблизи слияния Орели с Орельской. Наше отношение к Орельскому варианту было обосновано в начале статьи, поэтому нет смысла опровергать эту гипотезу.

К. В. Кудряшов несколько раз менял свои предположения: в 1937 г. он отождествлял Каялу с Кальмиусом, в 1946 г. — с Макатихой, а в 1959 г. отказался от Макатихи в пользу р. Каменки, протекающей в 4 км к югу от Изюмского кургана. «Указанную реку Каменку (точнее, Мокрую Каменку) мы и считаем настоящей Каялой, — пишет историк, — ввиду полного соответствия названия Каменки с наименованием „Каялы“ в значении каменистая».²⁶ Нам представляется, что при решении такой сложной задачи основываться только на данных лингвистики (притом весьма приблизительных, так как буквальный перевод слова — не 'каменистая', а 'скалистая') и игнорировать множество других важных показателей нельзя. Как было отмечено, Каменка протекает всего в 4 км от Изюмского кургана, бывшего пограничным пунктом русской земли. Между тем, в летописях и «Слове» неоднократно подчеркивается, что события происходят среди земли половецкой, что Игорь далеко зашел к морю.

Б. А. Рыбаков, приводя ряд новых аргументов, категорически настаивает на точке зрения Барсова, согласно которой Каяла — символическая река печали, и призывает отказаться от поисков ее на географической карте. Ученый по-новому объясняет этимологию тюркизма «каялы», считая, что он означает 'печаль', и обращает внимание на то, что в Ипатьевской летописи это слово встречается не в повествовательной, а в риторической части, добавленной, по его мнению, позднее. Хотя соображения Б. А. Рыбакова высказаны в очень категорической форме, они не могут убедить нас в том, что в «Слове» и в летописи Каяла не является конкретным географическим названием. Автор «Слова» 6 раз упоминает Каялу, и в большинстве случаев это слово не дает оснований для истолкования его как образа-символа. Например: «Ту ся кошемъ приламати, ту ся саблямъ потручяти о шеломы половецкыя, на рѣцѣ на Каялѣ, у Дону великаго!».

Название р. Каялы стоит здесь в одном ряду с географическим названием известной реки, которое как бы уточняет место действия. Трудно предположить, что художественная мысль автора соединила здесь конкретное понятие и слово-символ. Второй пример: «Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы». Как справедливо заметил К. В. Кудряшов, эпитет «быстрая» к «реке покаяния» неприменим и противоречит символическому толкованию. Совсем не вяжется с истолкованием Каялы как образа-символа прямое указание автора «Слова» на то, что Каяла — река половецкая.

В летописи Каяла названа, хотя и в риторической части, но лишенной символического смысла: «И тако, во день святого воскресения, наведе на ны господь гнев свои, в радости место наведе на ны плачь, и во веселье место желю, на реце Каялы». В этом случае мы имеем обычный для летописца оборот речи, не содержащий иносказания и символики: удачи и неудачи всегда объяснялись промыслом божьим. Думается, что следует согласиться с выводом К. В. Кудряшова: «Отказ от поисков географической реки Каялы походит на признание бессилия найти ее на карте, но для такого

²⁶ Кудряшов. Про Игоря Северского, с. 46.

безнадежного вывода. . . нет оснований».²⁷ Мы внесли бы в заключение историка такое существенное уточнение: найти р. Каялу не на географической карте, а на местности, потому что поиски на карте, как показывает многолетний опыт, положительных результатов дать не могут.

Произведенное обследование местности убедило нас в том, что гипотеза Н. В. Сибилева, согласно которой быстрая Каяла — это современная речка Макатиха, является наиболее вероятной из всех предложенных учеными. «Эта речка (вернее, ручей, 7—8 км длиной), — писал Н. В. Сибилев, — начинается в Маякском лесу и впадает в р. Голая Долина — половецкий Сюурлий. Русло Макатихи глубокое, берега довольно высокие для ручья, крутые, прижатые один к другому в виде миниатюрного каньона, по дну которого быстро течет небольшая, но полноводная речка. Берега Макатихи поросли густым кустарником, а берега Голой Долины только кое-где имеют небольшие лесные острова. . . Итак, приведенные выше соображения дают основания утверждать, что бой закончился возле Славянских озер, а начался, наверное, на берегах быстрой р. Макатихи, которая и есть та «быстрая Каяла», которая упоминается в летописи и в «Слове о полку Игореве».²⁸

Как уже было сказано, гипотеза Н. В. Сибилева была поддержана и развита К. В. Кудряшовым в ряде статей 1946—1947 гг. и в книге «Половецкая степь», вышедшей в 1948 г. Несмотря на то что автор не производил местных изысканий, а строил свою концепцию на основе данных украинского археолога и топографических карт, «вариант Кудряшова» (так несправедливо по отношению к Сибилеву он был назван) произвел тогда в науке довольно сильное впечатление. Известный географ академик Л. М. Берг в отзыве на книгу заявил, что вопрос о Каяле можно считать окончательно решенным. Академик Д. С. Лихачев в историческом и географическом комментарии к «Слову» признал его наиболее обоснованным. Полностью принял гипотезу о Макатихе-Каяле военный историк А. А. Строков. Однако в 1959 г. К. В. Кудряшов в книге «Про Игоря Северского, про Землю русскую» отказался от Макатихи на том основании, что ни в названии реки, ни в ее гидрологической характеристике не находила подтверждения такая важная ее примета, как каменистость. Вот что он писал: «Недавнее гидрологическое обследование интересующего нас района выявило, что речка Макатиха — это небольшой ручей. Долина Макатихи представляет собой заболоченный намытый ч е р н о з е м, и хотя сток воды имеет „крутое падение“, но „далеко не совершенен. Это приводит, с одной стороны, к заболачиванию, с другой — к образованию ступенек с небольшими водопадами“. Приведенная характеристика Макатихи означает, что это не „каменистая“ река и, значит, ее нельзя считать Каялой».²⁹

Выводы ученого, конечно, логичны, однако в них нет основного довода: перед тем как выдвигать в науке очередной вариант, надо было изучить те важнейшие данные, которые являются фундаментом концепции. В данном случае гидрологическая характеристика реки является одним из решающих аргументов, без которого нельзя строить никаких гипотез.

Проведенное нами тщательное и разностороннее изучение Макатихи, ее берегов и всего прилегающего района дало такие результаты, которые позволяют высказать твердое убеждение в том, что эта речка — есть летописная Каяла.

Какие же данные дают основание для такого вывода?

²⁷ Кудряшов. Про Игоря Северского, с. 46.

²⁸ Сибільов. Археологічні пам'ятки, с. 110, 112.

²⁹ Кудряшов. Про Игоря Северского, с. 45.

Гидрологические. Специалисты-гидрологи, обследовавшие Макатиху по поручению К. В. Кудряшова, составили совершенно правильную, научно объективную характеристику этой речки. Мы не обнаружили ничего такого, что противоречило бы заключению гидрологов, однако у нас сложилось впечатление, что свою задачу они понимали слишком узко, безотносительно к той большой проблеме, которая интересует историков. Иначе они не могли бы не заметить, что район Макатихи очень каменистый, что все проселочные дороги, ведущие к небольшому с. Глубокая Макатиха, усеяны камнями. Откуда появилось такое обилие камней вблизи небольшой степной речушки? Оказывается, на берегах Макатихи с давних пор существуют каменные карьеры и именно здесь добывался и добывается камень. С помощью местных жителей нами найдены два старых заброшенных карьера на крутых склонах русла Макатихи. Один из них, расположенный ближе к устью, разрабатывался еще совсем недавно, в 20-е годы. Житель с. Глубокая Макатиха И. И. Шарaban сообщил, что он в детстве с отцом на волах возил камни на строительство дома и дороги. О другом, древнем, карьере, расположенном примерно в 800—1000 м вверх по течению реки, рассказал П. П. Савченко. В годы его детства, перед империалистической войной, в лесу на склонах холмов были видны пещеры — следы каменных выработок. Вместе с другими детьми (некоторые из них — жители этого же села) он ходил в подземелье и видел там темные каменные коридоры. Об этом карьере существует много легенд, связывающих его с эпохой турецкого владычества. Сейчас в этих местах пещер не видно, однако на поверхности много камней, ям, поросших лесом, встречаются выходы каменных пород. Взятые нами образцы были представлены для заключения на кафедру минералогии и петрографии Харьковского университета. Специалисты утверждают, что они относятся к разряду известняков с примесью доломитизированных и глинистых пород и являются очень устойчивыми к разрушающему воздействию внешних факторов. Структура пород и характер их залегания дают основания говорить как о вполне вероятном об их скалообразном выходе в прошлом на поверхность.³⁰

Итак, самая главная примета Каялы — скалистая — находит подтверждение, если исходить из особенностей рельефа берегов Макатихи.

Вторая важная примета этой реки — быстрая. Применима ли она к небольшому современному ручью? Характеристика, составленная гидрологами, которую приводит К. В. Кудряшов, не оставляет никакого сомнения в том, что течение ее было быстрым: сток воды имеет крутое падение, образуются небольшие водопадики и т. д. Нам приходилось наблюдать этот ручей в пору весеннего половодья: он напоминал скорее горный поток, чем степную речку. О характере течения реки в древности можно судить и по очень крутым склонам берегов, и по узкой, напоминающей ущелье, долине. Весьма красноречивым является название села — Глубокая Макатиха, расположенного на этой реке. Таким образом, можно с полным основанием говорить, что Макатиха была действительно быстрой.

Нельзя пройти мимо еще одной приметы Каялы, которой не отмечают исследователи: Каяла была небольшой и малозначительной рекой. Недаром она не упоминается в летописях, кроме одного случая, и не отражена в позднейших историко-географических источниках. Между тем, названия таких рек этой же географической зоны, как Тор, Сухой Торец, Орель, Орелька и др., встречаются довольно часто. Очевидно, что они были значительно большими, чем Каяла. Сравнительное изучение современного

³⁰ Пользуюсь случаем и выражаю благодарность доценту кафедры Ю. А. Борисенко за проведенный анализ образцов.

состояния названных рек дает представление о том, какой была и какой могла стать Каяла. Степные реки Сухой Торец, Орелька и некоторые другие почти высохли, только в период таяния снегов они обретают подобие рек. Макатиha, представляющая собой небольшой, пересыхающий в летние месяцы ручей, вполне соответствует общей эволюции рек этого района. Если она сохранилась до наших дней, то это объясняется прежде всего тем, что протекает в значительной своей части в лесу и что крутые склоны долины периодически питают ее талой и дождевой водой.

Военно-тактические. В летописях и в «Слове» совершенно отчетливо говорится о том, что русские дружины были разбиты на Каяле, что именно здесь, на этой реке, погибло русское войско. Летописец и автор «Слова» проявляют удивительное единодушие в описании трагического финала похода. С горестными словами летописца о том, что господь навел плач и горе на р. Каяле, перекликается взволнованный рассказ о битве автора «Слова»: «Бишася день, бишася другии; третьяго дни къ полуднию падоша стязи Игоревы. Ту ся брата разлучиста на брезѣ быстрой Каялы; ту кроваваго вина не доста; ту пирѣ докончаша храбрии русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую».

Совершенно естественно у исследователя должны возникнуть вопросы: почему именно на Каяле погибли русские войска? Какое место отводилось этой реке в тактическом плане половцев?

Речка Макатиha не только дает ответы на эти вопросы, но позволяет воспроизвести картину завершающего этапа сражения.

В Лаврентьевской летописи сказано, что половцы сначала оттеснили русских от воды, чтобы люди и кони изнемогли от безводья, а потом прижали их к реке: «Ратнии устремишася на нь и притиснуша и к воде и бишася с ними крепко, и бысть сеча зла велми». В рассматриваемом нами географическом районе эти сведения могут быть осмыслены так: половцы сначала оттеснили дружины Игоря от Голой Долины (Сюурлия), а потом прижали их к крутым склонам Макатиhi (Каялы). Стремление половцев прижать русских к реке с обрывистыми и крутыми берегами — очень распространенный в древности тактический прием ведения боя, а в условиях данной конкретной местности он был (с точки зрения головцев) наиболее целесообразным. Очень любопытна следующая топографическая деталь: с открытой степи, примыкающей к Макатихе, где, по нашим предположениям, происходила битва, река не видна. Глубокая долина появляется совершенно неожиданно. Вполне вероятно, что дрогнувшие ковуи могли бежать именно в эту, незащищенную (как им казалось) половцами сторону. Приманкой для бегущих был и лес, покрывающий сейчас часть долины к северу от с. Глубокая Макатиha.³¹ В свете сказанного становится ясным, почему так яростно сражался на берегу Каялы буй тур Всеволод: Каяла была подготовленной врагами западней. Сброшенных в узкую долину всадников и пеших в упор расстреливали половцы, выстроившиеся на противоположных скатах. Основная масса русских воинов была убита или пленена здесь, не случайно автор «Слова» говорит о том, что Игорь «погрузи жиръ во днѣ Каялы, рѣкы половецкия». Какая-то часть воинов во главе с Всеволодом пробилась через вражеский заслон и вышла из окружения, однако на их пути, как об этом сообщает летописец, встало озеро.

Итак, речка Макатиha не только совершенно естественно вписывается в военно-тактическую обстановку завершающего поход сражения, но и помогает глубже осмыслить сведения, приводимые в исторических источ-

³¹ О том, что в глубокой древности в этих местах были леса, говорит*Д. И. Бага-лей, — см.: Очерки по истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1887, с. 13.

никах, о том, почему на берегу Каялы был такой яростный бой и почему именно здесь погибло русское войско.

Историко-географические. В летописях и в «Слове» содержатся сведения о ряде географических объектов, составляющих целостную систему, которая должна быть основой при определении района военных действий. Вот эти объекты: Сальница—Курган—Сюурлий—До-нец—Каяла—озеро. Выше мы охарактеризовали эти объекты, сопоставили с местностью и высказали предположение об их нахождении. Невыясненным остался только один из них — озеро (море). Проблема озера-моря относится к числу самых сложных. Некоторые исследователи не исключают возможности выхода отступающих войск к Азовскому морю, однако большинство считает, что речь может идти только об озере, расположенном где-то неподалеку от места последнего сражения. Что же нам известно об озере и о море? Сведения о них дает только один источник — Ипатьевская летопись. Давайте внимательно вчитаемся в эту часть летописного повествования и попытаемся уяснить логику летописца: «Держим же Игорь виде брата своего Всеволода крепко борюшася и проси души своей смерти, яко да бы не видел падения брата своего. Всеволод же толма бившеся, яко и оружья в руку его не доста и бяху бо ся идуще вокруг при езере».

Таким образом, летописец довольно подробно описывает конец битвы: Игорь попал в плен, Всеволод неистово сражался до тех пор, пока в руках у него было оружие; и последний боевой эпизод — бой Всеволода у озера. Следующий за этим сообщением горестный вывод о том, что в день святого воскресения господь «навел горе» на р. Каяле, не оставляет сомнения в том, что Каяла была раньше озера и что основные трагические события произошли на этой реке. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что о мужественных действиях Всеволода рассказывается на основе зрительных восприятий Игоря: «Игорь виде брата своего Всеволода крепко борюшася». Непосредственное зрительное восприятие события чувствуется и в таких словах: «... и бяху бо ся идуще вокруг при езере». Пленение Игоря, последняя схватка на Каяле, бой отступающего Всеволода у озера — события, следующие одно за другим, между которыми не могло быть значительных временных промежутков. Все это дает основания для таких предположений: во-первых, упомянутое озеро должно находиться недалеко от Каялы; во-вторых, озеро должно быть видимым из района Каялы; в-третьих, озеро должно быть большим, но с просматриваемыми округлыми берегами, так как о море с бесконечными берегами нельзя сказать — «шел вокруг моря».

А как же понимать заявление летописца о том, что «прочии в море истопоша»? Нельзя не заметить при внимательном чтении летописи, что упоминание о море содержится в заключительной части, которая говорит о печальных итогах похода. Автор, рассказав о походе, описав ход последней битвы на Каяле и заключительный эпизод ее — сражение Всеволода у озера, сообщает, к каким ханам попали в плен русские князья и сколько воинов спаслось. Это уже не описание событий, а сообщение итоговых сведений о результатах похода. Не случайно между этими частями автор вставил довольно пространственный покаянный монолог Игоря, в котором князь вспоминает о своих грехах перед господом богом и людьми. Вот почему мы считаем, что в данном случае слово «море» лишено такого конкретного значения, как слово «озеро». Мы разделяем мнение тех исследователей, которые считают, что слово «море» употреблено здесь как синоним слова «озеро».

Изложенными выше соображениями мы и руководствовались в поисках озера в районе Макатихи. Представив мысленно обстановку, мы спусти-

лись в долину реки и поднялись на ее противоположный высокий склон, с которого хорошо видна часть г. Славянска, устье Макатихи, слияние Голой Долины с Сухим Торцом. Первое наблюдение состояло в том, что отсюда совершенно не видны те соленые озера, которые Н. В. Сибилев считал местом окончательной гибели войск. Эти озера, находящиеся в курортной зоне города на расстоянии 6 км, закрыты высоким плато. Наше внимание привлек хорошо видимый к югу от Макатихи на западной окраине Славянска водоем, находящийся на территории нынешнего Рыбкомбината.

Согласно литературным данным и сведениям местных жителей, здесь, в районе слияния Голой Долины и Сухого Торца, с незапамятных времен существуют два озера, которые во время весеннего паводка широко заливают низменность, образуя огромное озеро-море. К. В. Кудряшов, ссылаясь на сообщения газет, указывает, что последнее наводнение в этих местах было в 1937 г.³² Исследователь Славянских озер А. В. Гуров отмечал как одну из важнейших их примет наличие в дне провалов в виде воронок, называемых в народе «топылами». Образование провалов ученый объясняет деятельностью подземных вод, размывающих каменную соль, залегающую здесь мощными пластами. Через эти воронки происходит засаливание пресных вод в озерах. В его работе есть следующее любопытное сообщение: «В настоящее время провалы в виде воронок... наблюдаются в области распространения пермских красных глин около х. Макатихи».³³ Несмотря на то что Рыбкомбинат, занимающийся разведением ценных пород рыб, создал систему искусственных запруд, изменивших облик озер, несколько сохранившихся «топыл» позволяют судить о том, где было раньше дно озера.

Внимательное изучение местности между Макатихой и Славянском показывает, что, если исходить из тех данных, которые нами изложены, то возможно только такое решение проблемы озера-моря: небольшая часть русского войска, пробившаяся во главе с Всеволодом через Каялу-Макатиху, отступала к озеру в устье р. Голая Долина, которое находится от Макатихи на расстоянии 4—5 км. Внушительные размеры озера (события происходили весной), а также соленый привкус воды могли дать повод участникам похода называть озеро морем.

Все перечисленные нами географические объекты согласуются с военно-тактическими данными, а расстояния между ними соответствуют оптимальным нормам суточных переходов. Вот как выглядят пройденные расстояния и соответственно скорость передвижения русского войска в свете наших топографических разысканий: Сальница—верховья Каменки (ночной марш) — 17—18 км; верховья Каменки—Сюурлий — 18 км; Сюурлий—место ночлега в степи — 9—10 км; место ночлега — р. Макатиха (отступление под натиском половцев) — 6 км; Макатиха—озеро — 4—5 км. Таким образом, от Сальницы до Макатихи войска прошли примерно 50 км. Однако полки Владимира, Святослава и ковуев, участвовавшие в погоне после первого сражения, которая, как мы считаем, велась в разных направлениях, прошли, если учитывать их маршрут туда и обратно, километров на 15—25 больше. Для того чтобы составить представление о норме суточного перехода, необходимо подсчитать, сколько километров прошли дружины с вечера 9 мая по вечер 10 мая, т. е. от Сальницы до места ночлега. Оказывается, что полками Игоря и Всеволода было пройдено 45—46 км, а полками Владимира, Святослава и ковуев значительно

³² К. В. Кудряшов. «Слово о полку Игореве» в историко-географическом освещении. — В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник статей. М., 1947, с. 70.

³³ А. В. Гуров. Вейсово (Маяккое) соленое озеро в Славянске. Харьков, 1896, с. 10.

больше, не менее 60—80 км. Мы считаем, что эти цифры вполне подтверждают версию о походе как быстром набеге и дают конкретное объяснение, почему Святослав настаивал на том, чтобы заночевать в степи.

Лингвистические. Лингвистические данные, на наш взгляд, могут учитываться при атрибуции географических объектов только в том случае, если они не противоречат всем другим сведениям исторических источников. Основываться только на них, вырывая их из системы остальных сведений, ни в коем случае нельзя. Название «Каяла» (кстати, как справедливо заметил Б. А. Рыбаков, в летописи оно употреблено в своей первичной, не русифицированной форме — «Каялы») обычно переводят как 'скалистая', хотя в научной литературе чаще пользуются синонимом 'каменистая'. Между тем, эта замена ничем не оправдана, так как в тюркских языках слово «каја» означает 'скала', а камень имеет совсем другое название — «taş». Как уже отмечалось, эта замена объясняется неверием исследователей в то, что берега степной речки могут быть скалистыми.

Мы считаем, что гидроним «Каяла» следует переводить в точном соответствии со значением этого слова в тюркских языках, т. е. словом 'скалистая'.

До сих пор никто из исследователей не проявил интереса к гидрониму «Макатиха», хотя оно довольно давно встречается в научной литературе. Несмотря на внешне «русский вид», этот гидроним не поддается расшифровке с точки зрения русской этимологии. Между тем, тюркские языки подсказывают весьма любопытную разгадку этого слова: «макатты», «макаттыр» означает 'богатырь', 'герой'. Характерно, что в местном украинском и русском (!) произношении это слово звучит так: «Макатыха». Вполне возможно, что тюркское название «Мака́тты» в сочетании с существительным женского рода «река» дало на русской почве форму «Мака́тиха». Не явились ли победоносные для половцев события на р. Каяле причиной того, что река получила новый «титул», который постепенно вытеснил старое название? Во всяком случае, древнее тюркское слово донесло до наших дней немое свидетельство того, что с этой рекой связаны какие-то богатырские, героические, с точки зрения тюркских народов, дела.

Вместо выводов

Итак, проведенное изучение местности между Изюмом и Славянском подтвердило версию Н. В. Сибилева о месте битвы русских с половцами и о местонахождении рек Сюурлия и Каялы. Наши полевые исследования позволили не только укрепить эту гипотезу новыми данными, но и внести в нее ряд существенных уточнений, относящихся к начальному и завершающему этапам движения русского войска в половецкой степи.

К сожалению, никакими археологическими данными, относящимися к походу Игоря, наука не располагает. Достоверность сведений Н. В. Сибилева, основанных на рассказах местных жителей, о том, что при строительстве железнодорожной ветки в 1894 г. от Славянска к курорту на соленых озерах обнаружено было множество скелетов и древнего оружия, подтвердить не удалось.

Нам представляется, что преувеличивать роль археологических исследований при решении проблемы географии похода нельзя, так как военные события проходили в степи, вдалеке от известных в древности городов, и не могли оставить прочных материальных следов. Самые достоверные сведения о походе Игоря может дать единственный свидетель его — древняя русская земля. Вот почему разгадку тайн похода следует искать только путем scrupulous сопоставления исторических, географических, топографических и других сведений, содержащихся в «Слове» и летописях.